Со сцены звучат стихи Есенина

Стихи Сергея Есенина для художественного чтения представляют богатейший и вместе с тем чрезвычайно трудный материал. Выдающийся лирик нашей современности, он создал поэзию, полную тончайших, порой едва уловимых нюансов состояния человеческой души. За каждой строчкой есенинских стихов ощущается биение горячего человеческого сердца, сердца самого поэта, в котором Горький видел «яркий и драматический символ непримиримого раскола старого с новым».

Не случайно сам Есенин, по свидетельству его современников, читал свои стихи вдохновенно, страстно; он пленял слушателей не только чудесной образностью и совершенством формы своих произведений, но и богатством, эмоциональной напряженностью их содержания. «Чтец это был изумительный. И когда он читал, сразу понималось, что чтение для него самого есть внутреннее, глубоко важное дело. Забывая о присутствующих, будто в комнате оставался только он один и его звеневшие стихи, Есенин громко и жарко, и горько кому-то говорил о своих тягостных переживаниях, грозил, убеждал, спорил...» — вспоминал после смерти поэта его друг Евдокимов.

И потому рязанцы так тепло встретили выступления мастера художественного слова Николая Першина, который нашел правильные и яркие, выразительные краски для раскрытия содержания есенинских стихов, их сочного колорита. Ему удалось передать и буйную, хмельную радость, и тихую, доходящую до резкой боли, грусть, и поистине сыновнюю любовь к Родине, и напряженные раздумья, которые причудливым узором переплетаются в творчестве Есенина.

С большим нетерпением мы ожидали приезда в Рязань народного артиста РСФСР С. М. Балашова, который также выступил здесь с чтением стихов нашего выдающегося земляка. Невольно думалось: удастся ли этому популярному мастеру художественного слова передать внутреннюю силу есенинских произведений, извлечь из его стихов нужные интонации и оттенки человеческих чувств, показать тот «непримиримый раскол старого с новым» в творчестве поэта, о котором говорил Горький? Ведь С. М. Балашов выступал не просто с чтением отдельных стихотворений Есенина, а с литературно-музыкальной композицией, в которой, несмотря на ее сугубо лирическую окраску («Времена года»), необходимо отобразить весь творческий путь поэта — трудный и тернистый, отобразить, что линия его идейно-художественного развития шла не вниз, а вверх, к победе нового над старым.

...Нежная, проникновенная музыка. И влетаясь в ее мелодию, гармонируя с ней, несутся со сцены проникновенные строки: И по первому снегу бреду,

В сердце ландыши вспыхнувших сил...

Перед мысленным взором слушателей встают чудесные зимние пейзажи среднерусской полосы. Вот по снежной равнине проносятся сани с колокольчиком, который «хочет до слез», там утонул в сугробе опавший клен, «в диком и шумном метельном чаду» словно осыпаются заспелые липы. Много стихов посвятил Есенин русской красавице-зиме! И бездельничество из них С. М. Балашовым прочитано мастерски, темпераментно и красочно.

Следует, однако, заметить, что в ряде стихов из этого цикла артисту не удалось расставить правильные акценты, прочитаны они облегченно, неглубоко. Речь идет в первую очередь о стихотворении «Свистит ветер, серебряный ветер...» «Жить нужно легче, жить нужно проще, все принимая, что есть на свете». — в этих заключительных строках суть стихотворения, в них — глубокое раздумье поэта о своих жизненных устремлениях: ведь «Так, — признается Есенин в начале стихотворения, — я еще никогда не думал». И читать эти строки с таким налетом лихачества, озорства, как это делает С. М. Балашов, на наш взгляд, неверно. Не надо забывать, что

это произведение написано поэтом в последний год его жизни, когда он особенно глубоко задумывался о своей судьбе, своих жизненных планах и перспективах.

Подобным недостатком страдает и исполнение артистом, к примеру, стихотворения «Мелколесье. Степь и дали»... Здесь та же облегченность, сглаживание острых углов. Например, строки — «Эту чахленькую местность не видал я много лет» — прочитаны с оттенком иронии. Уместна ли она здесь? Ведь ради этой «чахленькой» местности родного края, над которой иронизирует С. М. Балашов, С. А. Есенин готов был отдать все, даже «наплевать... на известность» и на то, что он поэт.

Интересен, богат по содержанию и исполнению его артистом весенний и летний цикл стихов. Эти стихи не только о весне, обновлении природы, но и о весне в сердце поэта. В стихотворении «Весна» Есенин бодро, радостно заявил:

Припадок кончен,
Грусть в опале.
Приемлю жизнь, как первый сон.
Вчера прочел я в «Капитале»,
Что для поэтов — свой закон.
Метель теперь хоть чортом вой,
Стучись утопленником голым, —
Я с отрезвевшей головой
Товарищ бодрым и веселым.

Логически оправдано, правомерно, что именно в этот цикл артист включил стихи поэта, посвященные Ленину. Сердечно, искренне Есенин говорил о том,

Что имя Ленина
Шумит, как ветер, по краю,
Давая мыслям ход,
Как мельничным крылам.

Неоднократно, с подкупающей лирической силой поэт обращался к образу великого вождя всего прогрессивного человечества. И надо отдать должное С. М. Балашову: ему удалось передать именно вот эту сердечность отношения поэта к Ленину, его изумление и преклонение перед гением великого вождя.

В то же время Есенин искренне признавался в том, что он недостаточно ясно и четко понимает историческое значение Ленина. И эта сторона в творческом облике поэта хорошо передана артистом. Запоминаются, глубоко врезаются в память есенинские строки, мастерски прочитанные С. М. Балашовым.

Он вроде сфинкса предо мной.
Я не пойму, какою силой
Сумел потрясть он шар земной?
Но он потряс...
Шуми и вей!
Крути свирепей, непогода,
Смывай с несчастного народа
Позор острогов и церквей.

В стихах Есенина, посвященных всеочищающей буре революции, которые по своему жизнеутверждающему пафосу приближаются к революционным одам Маяковского, артист передать, оттенить чеканность ритма, четкость строфической структуры есенинских произведений — этого важнейшего средства для воплощения героического содержания революционной борьбы.

И здесь, в этом цикле, артисту не удалось избежать отдельных срывов в трактовке есенинских стихов или отдельных строф их, что приводит к частичному искажению облика поэта. Прислушаемся, например, к стихотворению «Стансы», исполняемому С. М. Балашовым. Через строки

«Я из Москвы надолго убежал: с милицией я ладить не в сноровке» и т. д. — в исполнении артиста вырисовывается лицо развеселого, беспечно озорника, который жалуются на то, что за всякий «пивной скандал» его держат в «тигулке». Но ведь это же напускная беспечность, которую С. М. Балашов, к сожалению, принял за чистую монету. Все стихотворение проникнуто напряженными раздумьями, поэт сам говорит здесь, что «другое чувство» «глохнет» его сердце и «другие думы» «дают» его «череп».

Что же это за думы? Вот они:

Хочу я быть певцом
И гражданином,
Чтоб каждому,
Как гордость и пример,
Был настоящим.
А не сводным сыном —
В великих штатах СССР.

«Я полон дум об индустриальной мощи», — пишет далее Есенин. Именно в этом стихотворении поэт приходит к выводу: не пора ли ему сесть за изучение Маркса. После этого ясно, что для такой беспечности, какую увидел в вышеприведенных строках С. М. Балашов, не остается места. Нельзя сгласиться и с трактовкой артистом популярного, всем известного стихотворения «Я иду долиной...», в котором Есенин заявил о своей неразрывной связи с народом, о своей бесконечной любви к нему. Уж слишком обиденно, прозаично оно прозвучало в его исполнении!

На первый взгляд, эти и многие другие недостатки могут показаться мелочью, не заслуживающей серьезного внимания. К сожалению, эти «мелочи» и привели к тому, что в последнем, заключительном цикле стихов артист акцентировал внимание слушателей на грустных, пессимистических мотивах творчества Есенина. Справедливости ради следует отметить, что этот цикл С. М. Балашовым исполнен с наибольшей силой и выразительностью, с потрясающим душу трагедийным звучанием.

Но эта ли трагедийность характерна для последних лет жизни поэта? Нет. Напротив, в последние годы Есенин уходил от всего темного, божемного и тянулся к новому, он постепенно становился певцом не «уходящей», а «советской» Руси. Маяковский вспоминал: «Я с удовольствием смотрел на эволюцию Есенина от имажинизма к ВАППУ... В последнее время у Есенина появилась даже какая-то явная симпатия к нам (левовцам): он шел к Асееву, звонил по телефону мне, иногда просто старался попадаться».

О своей тяге к новому Есенин заявлял и сам. И не только в своих стихах, но и в публицистических статьях. «...Я еще больше влюбился в коммунистическое строительство. Пусть я не близок коммунистам, как романтик в своих поэмах, я близок им умом и надеюсь, что буду, быть может, близок и в своем творчестве». — писал поэт в 1923 году в газете «Известия».

Таким образом, в целом отдавая должное исполнительскому мастерству С. М. Балашова, приходится с огорчением констатировать, что артисту не везде удалось извлечь нужные интонации из есенинских произведений, не удалось в должной мере отобразить «раскол старого с новым» в творческом наследии Есенина, а главное — эволюцию поэта к новому, передовому, к «Руси советской».

А. ЖБАНКОВ.